

Алексей Рубан

Эхо ветров

Часть 1

Алексей Рубан
Эхо ветров Часть 1

«Автор»

2026

Рубан А.

Эхо ветров Часть 1 / А. Рубан — «Автор», 2026

В мире, где раз в десять лет наступает День Пустоты — миг, когда у всех людей полностью обнуляется память, — юная Эрин, воспитанница архивариуса, узнаёт страшную правду. Её наставник перед смертью раскрывает: День Пустоты — не природное явление, а результат магического вмешательства. Скоро наступит новый цикл, и если ничего не предпринять, человечество вновь потеряет все воспоминания. Эрин получает редкий дар и отправляется в опасное путешествие к Сердцу Ветра. В пути она встречается тех, кто станет опорой в борьбе за будущее. Вместе они пробираются через забытые земли, разгадывают древние загадки и противостоят тем, кто хочет сохранить тайну Дня Пустоты любой ценой. «Эхо ветров» — это история о дружбе, любви и смелости, о памяти как основе личности и о том, что даже перед лицом полного забвения можно сохранить главное: веру в себя и в тех, кто идёт рядом.

© Рубан А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Последний вздох архивариуса	6
Глава 5. Ловушка колюков	18
Глава 6. Вход в Город Зеркал	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алексей Рубан

Эхо ветров Часть 1

Предисловие

Она стояла на склоне холма, в самом сердце тихой долины, где время, казалось, текло медленнее, а мир дышал ровнее. Под шёпот ветра она наблюдала, как он ласково колышет ветви старой ивы — те едва заметно покачивались, словно вторя невидимому ритму, древнему и бесконечно мудрому.

Лёгкий порыв коснулся её волос, заиграл прядями, чуть приподнял подол платья. Она закрыла глаза и вдохнула полной грудью — воздух был свеж, напоён ароматами трав и едва уловимым привкусом далёких земель. И в этот миг её охватило странное чувство: не просто присутствие ветра, а его *внимание*.

Почему, задумалась она, в нашем мире такое почитание ветра? Почему ему поют песни, к нему обращаются за советом, ему доверяют самые сокровенные мечты? Почему старики шепчут, что ветер помнит всё — каждое слово, каждый вздох, каждую надежду, когда-либо произнесённую вслух?

При этой мысли она почувствовала теплоту — мягкую, обволакивающую, почти материнскую. Ветер, словно услышав её вопрос, стал нежнее: он окутал её плечи, будто лёгким плащом, провёл невидимой ладонью по щеке, обнял бережно, успокаивающе. В этом объятии не было силы — только забота. Как будто мир сам ответил: *«Потому что ветер — не просто движение воздуха. Он — дыхание жизни, хранитель памяти, связующая нить между прошлым и будущим. Он слышит. Он помнит. Он бережёт»*.

Она улыбнулась, открыла глаза и посмотрела вдаль, туда, где горизонт сливался с небом. Теперь она знала наверняка: ветер — больше чем стихия. Он — живой. И он всегда рядом.

Софир — её мир, древний и мудрый, впадающий в забвение каждые десять лет ждал того, кто прочтёт знаки, соберёт осколки памяти и восстановит связь времён.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как ветер шепчет ей что-то едва уловимое — не просто слова, а обещание. Он говорил о пути, о долге, о силе, что дремлет внутри неё. И в тот миг она поняла: её путь уже начался. Не по случайности, не по воле чужих указаний — по велению сердца и ветра, что веками хранил память Софира.

Так начинается история, что пойдёт по следам ветров, сквозь тайны, забытые временем, через испытания и открытия — история о том, как эхо ветров может изменить судьбу целого мира.

Глава 1. Последний вздох архивариуса

В старинной библиотеке, где пыльные лучи солнца пробивались сквозь высокие окна, оседая золотыми дорожками на пожелтевших страницах, сидела юная Эрин. Вокруг неё, до самых сводчатых потолков, высились стеллажи с книгами — древними, как само время, с корешками, потрескавшимися от веков. Пахло пергаментом, воском и чуть-чуть — горьковатой магией, что таилась между строк.

Эрин провела пальцем по корешку одной из книг — та осыпалась мелкой серой крошкой, словно шептала: *«Всё проходит, дитя. Всё превращается в пыль...»*

Она обернулась к своему наставнику. Архивариус сидел в глубоком резном кресле у окна, и закатное солнце золотило седые пряди его волос, будто венчая его светом уходящего дня. Его глаза, прежде ясные и пронизательные, теперь смотрели куда-то вдаль — сквозь стены, сквозь годы, сквозь само дыхание времени.

— Эрин, — голос архивариуса звучал тише, чем шелест страниц, — подойди ближе. Время уходит, а мне нужно успеть сказать тебе самое важное.

Девочка бросилась к нему, опустилась на колени рядом с креслом и взяла его морщинистую руку в свои — такую хрупкую, словно высохший лист.

— Мастер, — прошептала она, — не говорите так. Вы поправитесь...

Архивариус улыбнулся — слабо, но тепло, и покачал головой:

— Нет, дитя моё. Часы моей жизни отсчитывают последние песчинки. Но прежде чем я уйду, ты должна узнать правду — ту, что я хранил, как самое драгоценное сокровище.

Он с усилием приподнялся и указал на самый дальний стеллаж:

— Третий ряд снизу, седьмая книга справа. Принеси её.

Эрин метнулась к стеллажу. Книга оказалась вовсе не книгой, а свитком, завёрнутым в потрескавшуюся кожу, будто спрятанным от чужих глаз. Когда она развернула его на столе, по комнате пронёсся едва уловимый шёпот — словно ветер принёс обрывки чьих-то разговоров, забытых давным-давно.

— Видишь эту карту? — архивариус ткнул дрожащим пальцем в извилистые линии гор и лесов. — Это древняя карта, которая поможет найти путь к Сердцу Ветра. Где-то здесь, в стране Гун, за хребтом Эждарах, в недрах пустыни Иссох... Там, в самом сердце забытых песков, сокрыт артефакт, что может вернуть утраченную память человечества.

Эрин почувствовала, как по спине пробежал холодок:

— Но... разве память не возвращается сама после Дня Пустоты? Мы же восстанавливаемся по записям, дневникам...

— Иллюзия восстановления, — хрипло произнёс архивариус. — Мы помним лишь то, что записали. Но настоящая память — чувства, переживания, связь поколений — она исчезает навсегда, как тает утренний туман. А скоро наступит новый День Пустоты. На этот раз мы не должны позволить ему случиться.

Внезапно окно распахнулось от порыва ветра. Свиток затрепетал, а с улицы донёсся странный звук — будто миллионы голосов одновременно вздохнули, словно сама земля вздохнула в тревоге.

И тут Эрин услышала это. Не просто шум ветра, а слова — чёткие, ясные, произнесённые на незнакомом языке, но отчего-то понятные ей: *«Найди и сохрани...»*

— Ты слышишь? — глаза архивариуса загорелись слабым, но живым огнём. — Твой дар пробуждается. Ты — Эхо Ветров. Только ты можешь услышать и расшифровать шёпот воспоминаний, что ветер несёт сквозь века.

В этот миг дверь библиотеки с грохотом распахнулась. На пороге стоял огромный попугай ара с переливающейся радужной окраской — сапфирово-синей на крыльях и огненно-красной на груди. Он взмахнул крыльями и вдруг произнёс голосом самого архивариуса:

— Найди Сердце Ветра, дитя... оно помнит то, что забыли все.

Эрин вздрогнула. Попугай перелетел через комнату и уселся на спинку кресла архивариуса, внимательно глядя на девушку большими чёрными глазами — мудрыми, словно он видел все рассветы и закаты этого мира.

— Ара... — слабо улыбнулся наставник. — Значит, он нашёл тебя. Хорошо. Этот попугай — последний свидетель предыдущих Дней Пустоты. Он помнит то, что не записано ни в одной книге, что живёт лишь в ветре и памяти звёзд.

Архивариус с трудом поднял руку и вложил в ладонь Эрин крошечный хрустальный флакон. Внутри клубился серебристо-голубой туман, словно кусочек самого океана, принесённый северным ветром.

— Это — Океанский Туман, дитя, — прошептал архивариус. — Выпей его. И северный ветер станет твоим проводником. Он будет шептать тебе путь к Сердцу Ветра — так же, как шепчет волны океану. Но помни: ветер говорит лишь тем, кто умеет слушать сердцем. Чтобы восстановить память мира, сначала нужно вернуть собственную. Ты готова к этому пути?

Эрин сжала флакон. Он был холодным, как утренняя роса, но внутри него билась какая-то неведомая жизнь. Она посмотрела на архивариуса, на попугая Ара, который склонил голову набок, будто ожидая её ответа. В груди её теснились вопросы — тысячи вопросов, которые копились годами, но оставались без ответа.

Немного поколебавшись, она тихо спросила:

— А разве есть у меня выбор?.. Кто мы? Кто мои родители? Сколько насчитывает наша история? Кто её пытается уничтожить? И что от нас скрывают ещё? Есть тысячи подобных вопросов... Но одно я знаю точно: память нужно вернуть. И если я — Эхо Ветров, значит, мой путь — идти и слушать. Я готова.

Архивариус глубоко вздохнул, улыбнулся в последний раз — так светло, словно увидел что-то прекрасное за гранью — и закрыл глаза. Ветер за окном стих, но Эрин всё ещё слышала отдалённое эхо: «*Найди и сохрани...*» — оно звучало в её сердце, как обещание.

Попугай Ара перелетел на её плечо и тихо прошептал уже своим голосом — высоким и немного скрипучим, но добрым:

— Ну что, идём спасать мир? Только сначала давай найдём что-нибудь блестящее — у меня предчувствие, что в дороге это пригодится.

В этот миг в ней сошлись все черты её натуры — те, что годами формировались под крылом архивариуса и в тишине древней библиотеки.

Смелость Эрин не была безрассудной бравадой. Она знала страх, чувствовала его ледяное прикосновение к спине — но умела сделать шаг вперёд, даже когда колени дрожали. Эта смелость рождалась не из отрицания опасности, а из понимания: есть вещи важнее личного спокойствия.

Чувственность её души проявлялась в способности остро воспринимать мир — не только глазами и ушами, но всем существом. Эрин чувствовала боль других, как свою, откликалась на чужую беду раньше, чем успевала обдумать действия. Её сердце не было бронировано равнодушием — оно открыто принимало и радость, и горе, позволяя ей по-настоящему сопереживать.

Трепетность жила в ней как особая чуткость к хрупкости жизни. Она бережно обращалась с древними книгами, осторожно подбирала слова в разговоре с наставником, трепетно хранила воспоминания, которые считала ценными. Эта черта делала её уязвимой — но одновременно дарила способность ценить каждое мгновение, каждый добрый жест, каждую крупицу истины.

А над всем этим возвышался внутренний стержень — незримая опора, которая не позволяла сломаться под грузом ответственности. Он проявлялся в умении принимать решения, когда выбор был мучительно сложным; в способности стоять на своём, даже если весь мир говорил: «Отступишь»; в верности однажды избранному пути. Этот стержень не был жёстким и негнушимся — он обладал гибкостью, позволяющей выстоять в бурю, не сломаться, а изогнуться и выпрямиться вновь.

Все эти качества сейчас слились воедино, превращая растерянную сироту в ту, кто готов бросить вызов самой природе забвения. Эрин глубоко вдохнула, ощущая, как в груди разгорается решимость. Она не знала, какие испытания ждут впереди, но точно понимала: она пойдёт до конца. Потому что память — не просто набор фактов. Это то, что делает людей людьми.

Глава 2. Ветер первых шагов

Рассвет застал Эрин в её маленькой комнатке над библиотекой. Она проплакала всю ночь — ведь архивариус был ей как отец. Она не понимала, кем он ей приходится по крови, но чувствовала ту особенную теплоту и глубокую привязанность, что рождается не из родства, а из общей судьбы. Последние 9 лет, 11 месяцев и 1 день они были рядом: он учил её читать древние знаки, разгадывать загадки пергаментов, слушать шёпот старых книг...

И теперь его не стало. Монахи горного улья предали его ветру, как это было принято в их части света. Эрин помнила торжественную церемонию: облачённые в серые плащи монахи вынесли тело на вершину холма за городом, где ветер монотонно облизывал утёс, прижимая к земле густую траву, будто убаюкивая её в вековом ритме. Они прочли древние слова прощания — не молитвы, а скорее песни, в которой каждая строка была похожа на вздох. Затем бережно расстелили тонкую льняную ткань, и порывы ветра подхватили пепел, развеяв его над лесами и долинами.

«Пусть его память станет частью ветра, — произнёс один из монахов, — а знания, что он хранил, найдут нового хранителя».

Эрин тогда стояла в стороне, сжимая в руках старую закладку, которую архивариус вырезал для неё из слоновой кости в тот день, когда она впервые самостоятельно расшифровала рунический текст. Слёзы текли по её щекам, но она не вытирала их — казалось, что если она пошевелится, то нарушит священную тишину этого момента.

Лучи солнца, пробившиеся сквозь витражное окно, рассыпались цветными пятнами по полу — словно кто-то бросил горсть драгоценных камней. Но Эрин не замечала этой красоты. Она сидела на краю кровати, сжимая в ладони хрустальный флакон с Океанским Туманом. Внутри клубился серебристо-голубой туман, будто кусочек самого неба, пойманный в ловушку стекла.

— Ну что, — проскрипел Ара, устраиваясь на спинке кровати, — будем пить эту туманную штуку или сначала позавтракаем? Лично я голосую за завтрак. В путешествиях, знаешь ли, блестящие предметы встречаются чаще после еды.

Эрин слабо улыбнулась. Попугай, казалось, совсем не ощущал тяжести того, что им предстояло. Он деловито чистил перья, то и дело поглядывая на флакон.

— А если это опасно? — тихо спросила Эрин. — Что, если я не смогу услышать ветер? Или... или услышу что-то такое, что лучше бы не знать?

Ара перестал чистить перья и серьёзно посмотрел на неё:

— Знаешь, в чём разница между человеком и попугаем? Человек всегда думает о том, что может пойти не так. Попугай же думает о том, где найти что-нибудь блестящее. И знаешь что? Попугай счастливее. Давай, девочка. Доверься ветру. Он не станет лгать тебе.

Эрин глубоко вдохнула, открутила крошечную пробку и поднесла флакон к губам. Туман оказался прохладным и лёгким, как первый весенний бриз. Он скользнул внутрь, разливаясь по венам прохладной ясностью.

В тот же миг мир изменился. Шум города — скрип телег, голоса торговцев, лай собак — всё отошло на задний план. Теперь она слышала другое: шёпот ветра, который скользил по крышам, шептал в кронах старых деревьев у библиотеки, играл с пылью на мостовых. И среди этого шёпота выделялся один голос — низкий, ровный, древний, как сами горы: «На север... за хребет Эждарах... туда, где пески помнят забытое...»

— Ты слышишь? — прошептала Эрин.

— Конечно, слышу, — отозвался Ара. — Я же не глухой. Хотя, признаться, я ожидал чего-то более... эпичного. Ну, там, гром, вспышки света... А тут просто ветер болтает.

Эрин встала, подошла к окну. Внизу, на площади, кипела обычная утренняя суета. Никто не знал, что через несколько часов она уйдёт из этого города — возможно, навсегда. Никто не знал, что от неё зависит судьба памяти всего человечества.

— Пора, — сказала она больше себе, чем попугаю.

Сборы были недолгими. В дорожный мешок отправились сушёные фрукты и лепёшки — запас на первые дни, старая карта архивариуса, аккуратно свёрнутая в тубус, огниво и кремь — на случай холодной ночи, маленький нож с костяной ручкой — подарок мастера столяра, у которого она жила до поступления к архивариусу, и, конечно, флакон с Океанским Туманом — теперь уже наполовину пустой.

Когда Эрин спускалась по скрипучей лестнице библиотеки, ей показалось, что книги провожают её взглядами — тысячи корешков, выстроившихся вдоль стен, словно молчаливые свидетели её детства.

На пороге она остановилась, обернулась.

— Прощай, дом, — прошептала она.

И ветер, подхватив эти слова, разнёс их по залам, где каждый уголок хранил эхо её шагов, смеха, вопросов, на которые теперь предстояло найти ответы.

— Ну наконец-то! — Ара взлетел и уселся ей на плечо. — А теперь, вперёд! И помни: если увидишь что-нибудь сверкающее — это знак судьбы.

Они вышли на улицу. Солнце поднималось всё выше, а путь лежал на север — туда, где за хребтом Эждарах, в недрах пустыни Иссох, сокрыто Сердце Ветра. Ветер шептал, подталкивал в спину, будто торопил: «Иди... найди... сохрани...»

Эрин сделала первый шаг. Дорога началась.

Глава 3. Тропа ветров

Путь манил, но каждый шаг по дороге давался Эрин как подвиг. Поворот улицы — воспоминание, знакомый дом — укол в сердце, шёпот ветра у стен библиотеки — будто голос наставника, затихающий вдали. Боль окутывала.

Эрин была стройной и изящной, с лёгкой, почти невесомой походкой. Длинные волосы цвета тёмного мёда свободно струились по плечам, иногда падая на лицо, когда ветер играл с прядями. Её глаза — большие, серо-голубые, как утреннее море у скал, — хранили в себе глубину чувств: в них читались и боль утраты, и упрямая решимость идти до конца. Тонкие черты лица подчёркивали её юность, но во взгляде уже проступала несвойственная возрасту твёрдость.

По натуре Эрин была любознательной и чуткой: она замечала то, что ускользало от других, слышала не только слова, но и то, что оставалось между ними. В ней сочетались мягкость и стойкость — она умела сопереживать, но не позволяла горю сломить себя. Память о наставнике жгла сердце, но вместо того, чтобы остановиться, она сжимала крепче флакон с Океанским Туманом и делала следующий шаг. Вперёд. Всегда вперёд.

Воспоминания нахлынули волной — она отчётливо вспомнила, как оказалась здесь, у стен библиотеки, после Дня Пустоты. Буквально на пороге: будто кто-то перенёс её сюда из

ниоткуда. На руке блеснул тонкий браслетик с выгравированным именем — «Эрин». Она не знала, откуда он взялся, но он был частью её, как и смутные обрывки памяти, что начали пробуждаться в этом месте.

Собравшись с духом, Эрин постучала в тяжёлые деревянные двери. Они почти сразу приоткрылись — на пороге стоял седой взволнованный человек с книгой в руках. Его глаза расширились от изумления, а губы беззвучно шевельнулись, словно он пытался вспомнить что-то давно забытое.

— Девочка?.. — наконец выдохнул он, и в голосе его не было узнавания, лишь растерянность и смутное, почти интуитивное чувство, будто он должен впустить её.

Он замер на пороге, сжимая в руках книгу, — седые волосы растрёпаны, взгляд блуждает, словно пытается ухватить ускользающую мысль. Эрин заметила, как его пальцы слегка дрогнули: он не помнил её, не знал, кто она, но что-то внутри подсказало — нельзя прогонять.

— Я... я могу помочь, — тихо сказала Эрин, глядя ему в глаза. — Мы могли бы вместе разобраться во всём этом. В том, что осталось.

Архивариус медленно отступил, пропуская её внутрь. В его взгляде читалась смесь недоверия и отчаянной надежды — будто он сам искал кого-то, кто поможет вернуть хотя бы крупицы утраченного.

Так они и начали жить вместе. День за днём они изучали то, что уцелело после Дня Пустоты. В библиотеке хранились в основном художественная и техническая литература, учебники по биологии и географии Софира — их мира. Были трактаты по ремёслам, описания механизмов, атласы звёздного неба, руководства по навигации... Но исторических книг не оказалось вовсе. Ни хроник, ни летописей, ни древних сказаний — будто кто-то намеренно истребил саму память о прошлом, оставив лишь практические знания и вымысел.

Эрин быстро схватывала новое. Она подмечала закономерности в языке, находила связи между словами и символами, интуитивно угадывала значения незнакомых терминов. Архивариус, хоть и был старше и опытнее, часто замирал в раздумьях, пытаясь осмыслить простейшие вещи. Тогда Эрин мягко направляла его:

— Смотрите, — говорила она, указывая на страницу, — вот это слово повторяется здесь и здесь. Оно, похоже, означает «путь». А рядом — «звезда». Значит, фраза может значить «звёздный путь»?

Он кивал, стараясь запомнить, записывал в потрёпанную тетрадь, хмурил брови, снова и снова перечитывая строки. Постепенно они научились читать уверенно, разбирать сложные тексты, сопоставлять факты из разных областей. Но каждый раз, когда речь заходила о прошлом — о том, что было до Дня Пустоты, — они натывались на глухую стену. Никаких ответов. Только вопросы, множющиеся с каждым днём.

Однажды вечером, листая старый атлас Софира, архивариус вдруг поднял глаза и тихо произнёс:

— Почему так? Почему нет ничего о том, кто мы? Откуда пришли? Что случилось до... до этого?

Эрин закрыла книгу и посмотрела в окно, где угасал закат над забытым миром.

— Потому что кто-то не хочет, чтобы мы помнили, — ответила она. — Но это не значит, что мы не сможем узнать. Мы начнём с того, что есть. И соберём правду по крупицам.

Архивариус молча кивнул. В этот момент между ними возникло негласное соглашение: они не просто выживут в мире без памяти — они вернут её. По буквам, по строкам, по картам и схемам. Шаг за шагом.

Ара, устроившись на плече, то и дело комментировал происходящее:

— Смотри, какие сапоги! — восхищённо воскликнул он, заметив торговца обувью. — Блестят, как утренняя роса на паутине!

— Ара, нам нужно идти, — мягко напомнила Эрин.

— Идём, идём, — согласился попугай. — Но если увидишь что-то блестящее по дороге, не проходи мимо. Это может быть знак судьбы.

Эрин размышляла над двумя вопросами, которые никак не находили объяснения: откуда архивариус получил древнюю карту и кто сообщил ему о Сердце Ветра. В условиях, когда День Пустоты лишил воспоминаний всех без исключения, эти факты выглядели противоречиво и требовали разгадки.

За городской стеной дорога стала труднее. Ветер, который в городе лишь игриво теребил юбки прохожих, здесь превратился в настоящего путника — он то подталкивал в спину, то бросал в лицо горсти песка, то закручивал вихри у ног, словно проверяя решимость странников.

Спустя несколько часов Эрин остановилась, устало выдохнула и сказала:

— Ара, ты тяжёлый. Всю дорогу я тебя не понесу. Может, полетишь сам?

Попугай будто проигнорировал её слова. Он лишь удобнее устроился на плече, поправил пёрышки и важно заявил:

— Дорогая моя, попугаи не созданы для долгих пеших прогулок. Мы — создания свободного полёта. К тому же, кто будет напоминать тебе о самом главном? В дороге без блестящих находок никак нельзя!

Эрин лишь покачала головой, но не смогла сдержать улыбки. Она поправила мешок за спиной и сделала ещё несколько шагов. И тут она почувствовала нечто странное: ветер не вёл их, как слепых, — нет. Напротив, она просто как будто знала дорогу. Где повернуть, где замедлить шаг, где обойти глубокий овраг — всё это всплывало в сознании само собой, будто карта, которую она видела когда-то давно и теперь вдруг вспомнила.

До хребта Эждарах было ещё далеко. Дорога петляла среди холмов, поросших вереском и можжевельником. Вдалеке виднелись тёмные силуэты одиноких скал, а над головой кружили хищные птицы, высматривая добычу.

— Ты это чувствуешь? — тихо спросила Эрин у Ара. — Я не следую за ветром — я просто знаю, куда идти.

— Ну конечно, — фыркнул попугай. — Это всё потому, что я вдохновляю тебя. Без меня ты бы уже заблудилась.

— Или просто шла бы быстрее, — усмехнулась Эрин, но в душе она была благодарна ему за эти нелепые шутки. Они помогали не думать о тяжести мешка, усталости в ногах и тревоге, что сжимала сердце при мысли о том, что ждёт впереди.

К вечеру небо затянуло тучами. Воздух стал густым и тяжёлым, предвестием скорого дождя. Эрин огляделась в поисках укрытия и почти сразу заметила небольшую пещеру, спрятанную за нагромождением валунов.

— Вот и ночлег, — сказала она, направляясь к ней.

— Наконец-то! — обрадовался Ара. — А то я уже начал думать, что придётся спать под дождём, как какой-нибудь воробей.

Внутри пещера оказалась сухой и просторной. Эрин разложила на земле плащ, чтобы не сидеть на холодном камне, и достала из мешка сушёные фрукты и лепёшку. Ара тут же подлетел к еде, выбрал самый крупный кусочек и с важным видом принялся его клевать.

Пока они ужинали, дождь наконец начался — сначала редкие капли, затем сплошной поток. Эрин смотрела, как вода стекает по склонам холмов, образуя тонкие ручейки, и прислушивалась к ветру. Он больше не был грозным и настойчивым — теперь он шептал что-то успокаивающее, будто баюкал её перед сном.

Вдруг снаружи донёсся странный звук — не то ворчание, не то шёпот. Эрин насторожилась.

— Ара, ты слышал?

— Слышал, слышал, — пробурчал попугай. — И не хочу знать, что это. Может, это просто ветер?

Но звук повторился, и в проёме пещеры показалась странная фигура. Низенький, коренастый, с большими ушами и недовольным выражением лица — это был гоблин. В руках он держал свёрнутую карту и фонарь, который отбрасывал причудливые тени на стены.

— Эй, это моё укрытие! — проворчал он. — Я тут первый был, между прочим.

— Простите, — вежливо ответила Эрин. — Мы просто искали место для ночлега. Если хотите, можем уйти...

— Уйти? — гоблин фыркнул. — В такой ливень? Да вы что, с ума сошли? Ладно, оставайтесь. Но предупреждаю: я не люблю попугаев. И шум. И когда трогают мои карты.

— Очень приятно, — саркастично отозвался Ара. — А я не люблю ворчливых гоблинов. И дождь. И когда мне указывают, что делать.

— Тихо! — Эрин подняла руку. — Давайте познакомимся. Я — Эрин, а это Ара. А вас как зовут?

— Гримли, — буркнул гоблин, уstraиваясь в углу пещеры. — Картограф. И слуга юного рыцаря Кая. Он где-то там, — Гримли махнул в сторону гор, — ищет способ отменить День Пустоты. Считает это своим предназначением.

Эрин встрепенулась:

— Отменить День Пустоты? Вы знаете о нём?

— Конечно, знаю, — Гримли развернул карту и начал её разглаживать. — Кай считает, что если найти Сердце Ветра, можно изменить ход событий. Он тоже идёт к нему.

— Мы тоже! — воскликнула Эрин. — Может, объединим усилия?

Гримли вздохнул:

— Ладно. Но с одним условием: попугай не трогает мои карты. И не комментирует их. Они очень точные, между прочим!

— Договорились, — улыбнулась Эрин.

Ара демонстративно отвернулся, но промолчал.

— Кстати, — добавил Гримли, — завтра нам предстоит пересечь ущелье. Я бы пошёл в обход, но там слишком высоко. Я, знаете ли, боюсь высоты.

— Не волнуйтесь, — сказала Эрин. — Ветер подскажет нам безопасный путь.

Гримли скептически поднял бровь, но ничего не сказал.

Дождь за стеной пещеры продолжал стучать по камням, а внутри становилось всё уютнее. Эрин поделилась с Гримли едой, Ара неохотно уступил ему немного места, а гоблин в благодарность показал часть своей карты — ту, что вела к хребту Эждарах.

Эрин, воодушевившись, хлопнула в ладоши:

— У нас тоже есть карта! — Она расстегнула клапан дорожного мешка и осторожно достала свёрнутый в тубус пергамент. — Её дал мне архивариус. Она старая, но, кажется, очень подробная.

Глаза Гримли загорелись неподдельным интересом. Он осторожно принял карту из рук Эрин, бережно развернул её на плоском камне и склонился над линиями и символами.

— О-о-о... — протянул он, проводя пальцем по маршруту. — Да это же карта времён до Дня Пустоты! Видите эти обозначения? Это древние ориентиры, которые давно стёрлись с лица земли. Но они помогают понять логику старых путей.

— Значит, она может быть полезна? — с надеждой спросила Эрин.

— Более чем! — Гримли поднял взгляд, и впервые на его лице появилась искренняя улыбка. — С этой картой мы точно доберемся до сердца ветра, даже сократим путь.

Он аккуратно сравнил две карты, накладывая линии одной на другую.

— Смотрите, — показал он, — ваша карта подтверждает направление моей в ключевых точках. А вот здесь, — он ткнул пальцем в участок у подножия хребта, — она указывает на тропу, которой нет на моей. Тропа ветров, судя по символу. Должно быть, она идёт вдоль воздушных потоков — значит, там меньше камней, меньше обрывов. Идеальный маршрут!

— Получается, вместе наши карты дают полную картину? — уточнила Эрин.

— Именно! — кивнул Гримли. — Теперь я уверен: мы доберёмся до хребта быстрее и безопаснее.

Эрин почувствовала, как в груди разливается тепло. Впервые за долгое время она ощутила настоящую надежду — не одинокую, а разделённую с кем-то.

— Спасибо, Гримли, — искренне сказала она. — Я рада, что мы встретились.

— И я, — неожиданно мягко ответил гоблин. — Вместе мы справимся.

Перед сном Эрин ещё раз прислушалась к ветру. Теперь в его шёпоте звучали новые ноты — не только предупреждение и направление, но и обещание: «Вы не одни. Вместе вы сильнее».

На следующее утро дождь прекратился. Небо расчистилось, открыв ярко-голубую высь. Эрин, Ара и Гримли продолжили путь. До хребта Эждарах оставалось немало дней, но теперь девочка шла увереннее. Она больше не боялась заблудиться — не потому, что ветер вёл её, а потому, что рядом были те, кто разделит с ней этот путь.

Глава 4. Встреча у Серебряного ручья

Утро встретило путников прохладной свежестью и запахом влажной земли после ночного дождя. Эрин, Ара и Гримли продолжили путь вдоль извилистой тропы, что петляла между поросших мхом валунов и густых зарослей можжевельника.

Гримли, прихрамывая, шёл впереди, периодически сверяясь с картой. Он то и дело бормотал себе под нос:

— Так, здесь должен быть поворот... нет, не этот... или этот? Карты, конечно, точные, но местность после последнего оползня изменилась...

— Может, просто послушаем ветер? — предложила Эрин. — Он подскажет верный путь.

— Я доверяю только картам. Я буду сверять путь — шаг за шагом, ориентир за ориентиром. Без точных расчётов в горах делать нечего.

Эрин улыбнулась, не теряя спокойствия.

— Сверяй, конечно, — мягко ответила она. — И не переживай. Карта архивариуса очень важна — она древняя, в ней зашифрованы знаки, которые не видны на обычных картах. В определённый момент понадобится тот, кто правильно её прочтёт. И этим человеком будешь ты, Гримли.

Гоблин на мгновение замер, удивлённо моргнул, а затем слегка расправил плечи — было видно, что слова Эрин его тронули.

— Ну... — он слегка смутился, но тут же взял себя в руки, — в таком случае я должен быть особенно внимателен. Карты не лгут, если уметь их читать.

— Именно, — кивнула Эрин. — А ветер поможет нам не сбиться с пути, пока ты сверяешься с картой. Вместе у нас всё получится.

Ара, до этого молча наблюдавший за разговором, важно добавил:

— И если вдруг увидишь что-то блестящее на карте — дай знать. Это может быть ключ к древней тайне!

— Никаких блестящих отметок на картах! — строго отрезал Гримли, но в уголках его губ промелькнула улыбка. — Только точные координаты и проверенные маршруты.

— Ладно-ладно, — примирительно сказал Ара. — Но если встретим сокровище по дороге — я первый его замечу!

Ара, устроившись на плече Эрин, с важным видом заметил:

— Видишь, Гримли, иногда нужно доверять не только бумаге. Особенно если она помялась и промокла.

— Она не промокла! — возмутился гоблин. — И не помялась! Просто... слегка...
Неожиданно Ара встрепенулся:

— Смотрите! Там, у ручья! Кто-то есть!

Все трое остановились. Вдалеке, у изгиба Серебряного ручья, стоял юноша в лёгких доспехах. Его плащ, промокший от утренней росы, отливал серебристым оттенком, а меч в ножнах был украшен изящной гравировкой. Он внимательно всматривался вдаль, словно кого-то ожидая.

— Кай! — радостно воскликнул Гримли и, забыв о своей хромоте, поспешил вперёд. — Кай, я нашёл тебя!

Юноша обернулся, и лицо его озарилось улыбкой. Он быстрым шагом направился к ним.

— Гримли! — он обнял гоблина, чуть не оторвав его от земли. — Я уж думал, ты заблудился в этих холмах.

— Я? Заблудился? — фыркнул Гримли. — Да я самый точный картограф во всём королевстве! Просто... немного задержался.

Кай рассмеялся и повернулся к Эрин. Их взгляды встретились — и на мгновение время будто замерло. В глазах юноши читалось искреннее восхищение, а в душе Эрин вдруг всколыхнулось что-то тёплое и светлое, словно первый луч солнца после долгой тьмы.

— Ты... — начал Кай, чуть запнувшись, и тут же поправился: — Простите. Я не ожидал встретить здесь кого-то... такого.

Эрин почувствовала, как слегка зарделись щёки, но не отвела взгляда.

— Я Эрин, — тихо произнесла она, стараясь унять странное волнение в груди.

— Кай, — улыбнулся он, слегка склонив голову. — И я... я тоже иду к Сердцу Ветра. Чтобы помешать наступлению Дня Пустоты. Это стало целью моей жизни.

Он говорил серьёзно, но в его глазах всё ещё светилось то самое чувство — будто он встретил не просто попутчика, а кого-то, кто был ему удивительно близок, хоть они и виделись впервые.

— Значит, мы идём в одном направлении, — сказала Эрин, и в её голосе прозвучала неподдельная радость.

— И если мы объединим усилия, у нас больше шансов добиться успеха, — подхватил Кай, не отрывая от неё взгляда. — Вместе мы сможем больше, чем поодиночке.

Ара, внимательно наблюдавший за этой сценой, тихонько шепнул на ухо Эрин:

— Ого, кажется, тут не только ветер дует...

Эрин слегка толкнула попугая плечом, стараясь скрыть улыбку, а Кай, уловив её смущение, мягко добавил:

— Я рад, что мы встретились. Правда.

Гримли, до этого молча наблюдавший за происходящим, хмыкнул:

— Ну вот, теперь ещё и романтика в горах. Но, должен признать, вместе вы и правда выглядите... убедительно.

Кай рассмеялся, а Эрин наконец позволила себе улыбнуться в полную силу. В этот момент она ощутила, что их встреча — не случайность. Что впереди их ждёт не просто путь к Сердцу Ветра, а что-то большее.

Ара с любопытством разглядывал рыцаря:

— Ты, кажется, не боишься высоты? И не против попугаев?

— Ни капли, — улыбнулся Кай. — Попугаи — верные спутники в дальних странствиях, а высота... что ж, я вырос в этих горах. Они мне как дом.

Гримли важно разгладил карту:

— Отлично, тогда давайте сверим маршруты. Я тут наметил несколько безопасных троп...

— Но ветер говорит, что самый короткий путь — через ущелье Ветреных скал, — перебила его Эрин.

— Ущелье? — Гримли побледнел. — Но там же... там высоко! И страшно!

— Зато быстро, — заметил Кай. — И если ветер ведёт тебя, Эрин, значит, это верный путь. Я доверяю ветру так же, как и картам Гримли.

Гоблин вздохнул:

— Ладно, но я буду держаться поближе к скале. И, пожалуйста, Ара, не комментируй мою походку.

— Обещаю молчать, — торжественно заявил попугай. — Если только не увижу чего-нибудь блестящего.

Они двинулись дальше. Кай шёл рядом с Эрин, расспрашивая её о том, как она слышит ветер. Гримли, немного успокоившись, рассказывал о древних тропах, известных лишь местным жителям, а Ара время от времени указывал на интересные детали пейзажа:

— Смотри, Эрин, вон там, на том утёсе, что-то блестит! Может, это сокровище?

— Скорее всего, просто кварц, — смеялся Кай. — Но проверить стоит.

К полудню они достигли подножия Ветреных скал. Ущелье, о котором говорила Эрин, зияло между двух огромных утёсов — узкое, глубокое, с отвесными стенами, поросшими редкими кустами. Тропа, ведущая через него, была едва заметна — тонкая линия, выходящая вдоль края пропасти.

— Ну вот, — пробормотал Гримли, глядя вверх. — Теперь я точно уверен, что ненавижу высоту.

— Не бойся, — Эрин положила руку ему на плечо. — Надеюсь, ветер не даст нам упасть. Он будет поддерживать нас, как всё это время.

— И я буду рядом, — добавил Кай. — Ты не один, Гримли. Мы все здесь, чтобы помочь друг другу.

Гоблин глубоко вздохнул, расправил плечи и кивнул:

— Хорошо. Ведите, Эрин. Ветер и карты — пусть решат, кто из них точнее. Ара взлетел над группой:

— Ну что, вперёд к блестящим приключениям?

И они вступили в ущелье. Ветер, словно приветствуя их, заиграл в расщелинах скал мелодичной песней. Эрин шла первой, прислушиваясь к его голосу. Кай следовал за ней, готовый в любой момент поддержать Гримли, который, стиснув зубы, старался не смотреть вниз. Ара кружил над ними, время от времени возвращаясь к Эрин и шепча:

— Всё хорошо, мы справимся.

К закату они преодолели самый опасный участок. Устроившись на небольшой ровной площадке, путники разложили лагерь. Кай разжёг костёр, Гримли достал из мешка сушёные яблоки и сыр, а Эрин наполнила фляги водой из горного ручья.

— Знаете, — сказал Кай, глядя на пламя, — я всегда думал, что это моё одиночное путешествие. Но теперь понимаю: такие задачи не решаются в одиночку.

Эрин улыбнулась. Впервые за долгое время она почувствовала, что не одна. Что рядом есть те, кто верит в неё и в их общую цель. Ветер, колышущий пламя костра, словно подтверждал: «Вместе вы сможете всё».

На следующее утро они продолжили путь — уже не просто как попутчики, а как настоящая команда, объединённая одной миссией: спасти мир от Дня Пустоты и вернуть людям память через Сердце Ветра.

Глава 5. Ловушка колюков

Утро выдалось туманным. Густые клубы белёсой дымки окутывали склоны гор, скрывая тропу и превращая каждый камень в неясную тень. Эрин шла первой, прислушиваясь к ветру — он шептал что-то тревожное, но слова тонули в вязкой тишине тумана.

— Не нравится мне это, — проворчал Гримли, прижимая к груди свёрнутую карту. — В тумане легко сбиться с пути. И кто знает, что прячется в этих облаках...

— Может, там много блестящих камней? — с надеждой предположил Ара, вглядываясь в белёсую пелену.

— Или что-то недружелюбное, — мрачно добавил Кай. — В горах не бывает просто тумана. Всегда есть причина.

Эрин остановилась, подняла руку:

— Тише. Ветер говорит... он предупреждает.

Все замерли. Сквозь туман донёлся странный звук — не то скрежет, не то шипение, будто кто-то скреб когтями по камням. Затем послышалось глухое хихиканье, переходящее в злобное фырканье.

Из тумана выскользнули невысокие фигуры — не выше Гримли, но куда более коренастые. Это были колюки, прислужники Пожирателя Ветров. Их внешность внушала ужас: красные, будто воспалённые лбы пульсировали жилами, жёлтые морщинистые лица искажали злобные гримасы, глубоко посаженные глаза горели оранжевым огнём, спины покрывали острые, блестящие, как сталь, иголки, а кривые ноги с толстыми мозолистыми ступнями позволяли им ловко передвигаться по скалам. В руках они сжимали небольшие, но грозные топоры и короткие копыя с зазубренными наконечниками.

Один из колюков, видимо вожак, выступил вперёд. Его иголки угрожающе встали дыбом, а топор он поднял так, что лезвие сверкнуло в редком луче солнца.

— Куда путь держите, глупцы? — прошипел он скрипучим голосом. — В этих горах нет дороги для чужаков.

— Мы идём по делу, которое вас не касается, — твёрдо ответил Кай, положив руку на рукоять меча.

— О, касается, касается! — хихикнул другой колюк, потрясая копьём. — Пожиратель Ветров велел остановить всех, кто ищет Сердце. И мы остановим!

Колюки начали окружать путников, щёлкая зубами и угрожающе топорща иголки. Их главарь сделал знак — и половина отряда бросилась влево, отрезая путь к отступлению, а другая половина начала медленно подталкивать путников к краю обрыва, скрытого туманом.

— Они хотят загнать нас к обрыву! — догадалась Эрин. — Ветер...!

Девочка закрыла глаза, сосредоточилась. Ветер зашептал, показывая путь: узкий проход между скал, скрытый за нагромождением валунов.

— Вправо! За тот выступ! — крикнула она. — Быстро!

Но было поздно — колюки бросились в атаку. Один из них метнул копьё — оно пролетело в дюйме от плеча Кая. Другой замахнулся топором на Гримли.

— Берегись! — Кай выхватил меч и парировал удар, отшвырнув колюка назад. Ара взлетел над головами врагов и начал их дразнить:

— Эй, вы, тупые ёжики! — закричал он, хлопая крыльями. — Ничтожные колючки! Вы даже не можете поймать одного попугая! Ха-ха! У вас ноги кривые, лица страшные, а иголки — ржавые!

— Что?! — взревел вожак колюков. — Взять его!

Несколько колюков, разъярённые насмешками, бросились за Ара. Попугай ловко уворачивался, то снижаясь почти до земли, то взмывая вверх. Он манил их за собой:

— Ну же, кривоногие! Попробуйте поймать меня! У вас слишком короткие лапки!

Он намеренно повёл их в сторону обрыва. Туман здесь был особенно густым, скрывая край пропасти. Один из колюков, самый ретивый, прыгнул вперёд, пытаясь схватить Ара за хвост... и с воплем полетел вниз. За ним, не успев затормозить, последовали ещё двое.

— А-а-а! — донеслось из тумана, затем — глухой удар о камни далеко внизу. Остальные колюки замерли у края, с ужасом глядя вниз.

— Глупцы! — крикнул вожак. — Он нас обманул!

Тем временем Гримли не терял времени даром. Пока Ара отвлекал врагов, гоблин достал из мешка пращу и начал ловко метать камни — один за другим. Каждый бросок был точен: первый камень угодил вожаку в лоб, заставив его пошатнуться, второй сбил с ног колюка с копьём, третий заставил отступить ещё одного противника.

— Вот вам за мои помятые карты! — выкрикивал Гримли, продолжая обстрел.

Пока враги были отвлечены, Кай, Эрин и Гримли прорвались к указанному ветром проходу — узкой расщелине между скал. Колюки бросились следом, но их коренастые фигуры с торчащими иголками не смогли протиснуться в тесный проход. Они застряли, толкаясь и ругаясь друг на друга.

— Назад! Дай пройти! — орал один.

— Ты слишком широкий, Барг! — шипел другой.

— Проклятье! — зарычал вожак, безуспешно пытаясь пролезть первым. — Они ускользнули!

Путники, оказавшись в безопасности по другую сторону расщелины, остановились передохнуть.

— Они застряли! — радостно воскликнул Ара, приземляясь на плечо Эрин. — Кто сказал, что попугаи только для красоты?

— Ты был великолепен, — улыбнулась Эрин.

— И ты, Гримли, — добавил Кай, похлопав гоблина по плечу. — Не знал, что ты так ловко обращаешься с пращей.

— О, у меня много скрытых талантов, — скромно потупился Гримли, пряча пращу. — Особенно когда речь идёт о защите моих карт.

— Пока что да, — хмуро отозвался Кай, осматривая царапину на руке. — Но Пожиратель Ветров не отступится. Это только первая встреча.

Гримли, отдышавшись, развернул карту — она немного помялась, но осталась целой:

— Если идти вдоль этой гряды, можно выйти к перевалу Лунного камня. Там колюки не водятся — слишком высоко для них.

— И слишком низко для меня, — буркнул гоблин. — Но лучше высота, чем эти иголки и топоры.

Эрин оглянулась на расщелину. Колюки всё ещё возились у входа, пытаясь выпутаться из своей же ловушки.

— У нас есть передышка, — сказала она. — Но дальше нужно быть осторожнее. Пожиратель Ветров знает о нас.

Кай положил руку на плечо девочки:

— Значит, будем идти ещё осторожнее. И ещё умнее. Вместе мы справимся.

Ара взлетел над группой:

— Ну что, вперёд к новым блестящим... то есть к новым испытаниям?

— Именно, — улыбнулась Эрин. — И пусть ветер ведёт нас.

Они двинулись дальше, огибая опасные участки, отмеченные на карте Гримли и подсказанные ветром. Туман постепенно рассеивался, открывая путь к перевалу. Солнце пробилось сквозь облака, озарив горные вершины золотистым светом.

Но где-то далеко, в тёмной пещере у подножия хребта, Пожиратель Ветров открыл свои ледяные глаза. Взгляд его был холоден и беспощаден.

— Сегодня им повезло, — злобно произнёс он глухим, скрежещущим голосом. — Но их конец близок. Никто не уйдёт от моей воли. Ветра будут подчиняться только мне, а память людей — стёртой навсегда.

Глава 6. Вход в Город Зеркал

Тропа, ведущая к Городу Зеркал, была вымощена гладкими чёрными камнями, отражавшими небо так чётко, что казалось, будто путники идут по опрокинутой вселенной. Эрин невольно замедлила шаг: каждый камень под ногами словно шептал что-то — не словами, а ощущениями, вспышками чужих воспоминаний.

Кай шёл чуть впереди, уверенно ставя ногу на каждый камень. Он был воином — выше среднего роста, с длинными растрёпанными волосами, которые, несмотря на беспорядок, удивительно шли ему. Мужественные черты лица украшал небольшой шрам в форме креста под правым глазом — этот шрам лишь добавлял ему дерзости и суровости, делая облик ещё более запоминающимся. В каждом его движении чувствовалась грация и сила, а пронзительный взгляд зелёных глаз, казалось, проникал в самую душу, выдавая в нём опытного и дерзкого героя.

День Пустоты стёр память девятилетнего Кая. Он очнулся в безлюдной долине, прикованный к скале. Холод сковывал тело, страх — душу, а вокруг — лишь пустота воспоминаний.

Кочевники Гунны, пересекавшие восточные степи, нашли его. Несмотря на суровость нравов, они не бросили мальчика: освободили, согрели, дали приют. Именно Гунны стали его новой семьёй. Они передали ему свои знания — как читать следы, как предугадать бурю, как выстоять в бою и не сломаться в испытаниях. Кай впитал их кодекс чести: сила служит лишь тогда, когда подкреплена верностью друзьям.

Когда ему исполнилось шестнадцать, началась Северная война. Кай ушёл наёмником на сторону короля Арнира. На полях сражений он проявил себя отважным и расчётливым воином: в битве у Чёрного брода его отряд переломил ход сражения, отбив атаку тяжёлой кавалерии противника. За этот подвиг король лично возвёл его в рыцарское достоинство и пожаловал небольшой надел земли у подножия Синих гор.

Но Кай не остался в своих владениях. Что-то гнало его вперёд — смутное чувство незавершённости, память о пустоте, которая когда-то поглотила его прошлое. И вот теперь он шёл рядом с Эрин, Гримли и Ара к Городу Зеркал, надеясь, что испытания помогут ему отыскать ответы на вопросы, терзавшие его душу.

Гримли нервно поправил карту, которую держал обеими руками, и произнёс:

— Не нравится мне это. В легендах говорится, что Город Зеркал испытывает тех, кто хочет войти. Он показывает не то, что есть, а то, что скрыто в сердце.

Кай обернулся к Эрин. Его взгляд на мгновение смягчился, хотя в глубине глаз всё ещё читалась настороженность.

— Ты готова? — спросил он.

Девушка глубоко вздохнула, чувствуя, как ветер шепчет ей на ухо: «Не бойся правды...»

— Да, — ответила она. — Пойдём.

Город открылся перед ними внезапно — за поворотом тропы выросли высокие арки из прозрачного кристалла, переливающегося всеми оттенками радуги. В каждой арке отражались не сами путники, а их страхи и сомнения. В первой арке Эрин увидела себя одну в пустой библиотеке, где книги рассыпались в прах прямо у неё в руках. Во второй Кай отражался как старец с потухшим взглядом — будто он прожил сотню лет в тщетных поисках Сердца Ветра. В третьей Гримли видел, как его карты рвутся на куски, а линии маршрутов исчезают с поверх-

ности бумаги. А Ара, к всеобщему удивлению, отразился не попугаем, а огромной птицей с серебряными перьями, которая печально смотрела на него с высоты небес.

— Это всего лишь иллюзии, — твёрдо сказала Эрин, хотя сердце её сжалось от вида одинокой библиотеки. — Мы знаем, кто мы есть. Идём дальше.

Она шагнула в первую арку. Отражение дрогнуло и рассыпалось мириадами искр, а на его месте появилась мерцающая дорожка, ведущая вглубь города. Остальные последовали за ней, преодолевая свои испытания. Кай, стиснув зубы, прошёл через образ старца, шепнув: «Я не сдамся, пока не восстановлю память мира». Гримли, дрожащими руками разгладив карту, произнёс: «Мои маршруты ведут к истине, а не к отчаянию». Ара, расправив крылья, гордо заявил: «Я — Ара, и я люблю блестящие вещи! А остальное — просто перья!»

В центре Города Зеркал стояла круглая площадь, вымощенная огромными зеркальными плитами. В них не было отражений путников — только вихри воспоминаний: лица, города, битвы, праздники... Всё, что когда-либо происходило в мире, хранилось здесь.

Раздался голос, казалось, звучащий отовсюду:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.